

МОРСКАЯ ГРАНЬ ОТЧАЯННОГО КРУИЗА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

★ МАКСИМ СОЛОЖЕНИЦЕН ★

Максим Соложеницен

Морская грань отчаянного круиза

<https://litres.ru/73600889>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Морская грань отчаянного круиза» — философская притча в форме морского романа-странствия. Пять морей, которые должен пересечь каждый: юность, выбор, потери, искупление, покой. По этим водам автор ведёт героя, превращая яхты — «Анадиомену», «Морскую тень», «Атлантиду», «Колесницу Посейдона» и «Возвращение» — в живые грани судьбы.

Марвин Стоун, вчерашний курсант, ступает на борт роскошной яхты в Майами, чтобы заработать на лечение деда. Он не знает, что за блеском бортов и холодной улыбкой капитана Доминика скрывается мир контрабанды и смертельного риска. Но самое страшное искушение ждёт на берегу — Алиса, чьи древние чары опутывают душу прочнее канатов.

Это история о цене выбора, о том, как жажда свободы оборачивается рабством, а любовь — ловушкой. Перед вами карта путешествия, где финал — не возвращение, а обретение себя.

Содержание

Дисклеймер	4
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МОРЕ ЮНОСТИ	7
ГЛАВА ШУТ	7
ГЛАВА МАГ	21
ГЛАВА ЖРИЦА	30
ГЛАВА ИМПЕРАТРИЦА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Соложеницен

Морская грань отчаянного круиза

Дисклеймер

Данная книга является художественным произведением, не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет и не пропагандирует их. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий.

Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Есть пять морей, которые должен пересечь каждый человек. Первое – море юности, бурное, солёное от первых слёз и смеха. Второе – море выбора, где туманы сомнений скрывают и рифы, и спасительные берега. Третье – море потерь, глубокое и тихое, где на дне лежат затонувшие корабли надежд. Четвёртое – море искупления, самое холодное, где душа закаляется, как сталь в ледяной воде. И пятое – море покоя. Его не найти на картах. Оно приходит само, когда штормы остаются позади.

Эта книга – карта такого путешествия.

Она вымышлена от первой до последней буквы, как вымышлены наши самые яркие сны и самые стойкие кошмары. Имена, яхты, порты и преступления рождены воображением и служат единственной цели – провести героя через все пять его морей. Любое сходство с реальными людьми, судами или событиями – игра волн и случайность ветра, не более того.

Здесь вы не найдёте инструкций по управлению яхтой или проведению ритуалов. Здесь вы найдёте историю о цене свободы, о силе прощения и о том, что даже самое тёмное проклятие можно сжечь в топке собственной воли, если помнить, зачем ты поднял паруса.

Вам предстоит пройти этот путь на палубах пяти судов, ставших для главного героя пятью гранями его судьбы:

1. «**АНАДИОМЕНА**» – Яхта-искушение. Рождённая из пены пустых обещаний.
2. «**МОРСКАЯ ТЕНЬ**» – Яхта-призрак. Хозяйка туманов и неверных решений.
3. «**АТЛАНТИДА**» – Яхта-мираж. Обещание золотого дна, что оказывается пропастью.
4. «**КОЛЕСНИЦА ПОСЕЙДОНА**» – Яхта-война. Орудие мести и последней ставки.
5. «**ВОЗВРАЩЕНИЕ**» – Яхта-искупление. Тихий корабль, что везёт не груз, а душу домой.

Возьмите эту книгу как старинную карту. Не все отмеченные на ней земли существуют. Не все описанные чудеса и ужасы – правда. Но ощущение ветра в лицо, солёный вкус на губах и дрожь палубы под ногами – будут настоящими.

Мы отчаливаем. Попутного ветра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МОРЕ ЮНОСТИ

ГЛАВА ШУТ

(21 год. Майами. Порт «Бискейн-Бэй». Суббота, 16:45)

Воздух был густым, как сироп. Он вбирал в себя все запахи порта: прогорклую сладость гниющих водорослей, едкую нотку мазута, дым сигар с палуб мегаяхт и приторный аромат коктейлей, доносившийся с открытых баров на набережной. Для Марвина Стоуна это был запах будущего. Горьковатый, вызывающий лёгкую тошноту, но невероятно желанный.

Он стоял на самом краю причала №7, где асфальт сменялся потрёпанными штормами деревянными сваями, и смотрел на воду. Не на бирюзовую, игривую воду бухты, а на ту, что дальше, за волнорезом. Туда, где Атлантика становилась серьёзной, меняя цвет на глубокий, почти чёрный синий. Оттуда дул настоящий ветер. Он нёс не запахи города, а единственный, чистый и неумолимый аромат – свободы.

В левой руке, до костей сведённой судорогой волнения, Марвин сжимал потёртый синий холщёвый конверт. В нём лежали: диплом морского училища штата Миннесота с отличием по навигации, военный билет с печатью ВМС США и благодарностью от командира, и три справки о прохождении курсов: по морской электронике, такелажному делу и оказа-

нию неотложной помощи. Весь его капитал. В правом кармане грубых джинс – двести семьдесят три доллара наличными, последний перевод от матери. В левом – старый, с потрескавшимся экраном телефон. Последнее сообщение, полученное час назад, всё ещё горело на нём, как уголь: «Марвин, деду сегодня лучше. Сам дышал почти полчаса. Папа нашел новые лекарства, но они... дорогие. Не переживай. Мы справимся. Ты береги себя. Эмили».

Под сообщением была фотография: веранда их дома в Сент-Льюисе, дед в кресле-качалке, укутанный в плед, несмотря на лето. Рядом на столике – модель парусника, которую Марвин склеил ему в двенадцать лет. Дед смотрел не в кадр, а куда-то вдаль, за рамку фотографии, туда, где за холмами Висконсина плескались воды незримого для других океана.

Марвин выдохнул, заставил пальцы разжать конверт, сунул его во внутренний карман куртки и поднял голову.

Перед ним, отражая в своих идеально полированных бортах ослепительное флоридское солнце, покачивалась «Анадиомена».

Это было не судно. Это был ультиматум, брошенный всем законам физики и скромности. Пятьдесят пять метров (он тут же, профессиональным взглядом, определил длину) ослепительно-белого корпуса из алюминиево-магниевого сплава. Надстройка из темно-синего стекла и матового титана. Палуба – цельное полотно золотистого тика, на кото-

ром даже тени лежали идеальными геометрическими фигурами. Его опыт, подсказывал: такой тик не стареет, он стоит как чугунный мост. Его чутьё деревенского парня шептало: на эту палубу можно было бы купить весь Сент-Льюис с окрестностями.

Три мачты, оснащённые по последнему слову техники, не несли парусов – они были утыканы антеннами, радарными камерами, похожими на глаза гигантского насекомого. На корме, под широким козырьком, виднелся краешек бассейна с подсветкой и... был ли это искусственный водопад? Марвин сглотнул. Это был не корабль. Это была афоризм, произнесённый деньгами. «Я есть, и мне можно всё».

– Засмотрелся?

Голос возник за спиной так внезапно, что Марвин вздрогнул всем телом. Он обернулся, застигнутый врасплох, как мальчишка у витрины кондитерской.

Человек, стоявший в двух шагах, не походил на капитана. По крайней мере, не на капитана с обложек журналов, что ходили по училищу. Никакой белоснежной формы с позолотой, никакой фуражки. Прочные, дорогие, но немаркие темно-серые брюки, чёрная полоска из тончайшего хлопка, на ногах – парусиновые топсайдеры без носков. На шее, на простом кожаном шнурке, висел маленький, потёртый свинцовый якорь. Он выглядел лет на сорок пять, но морщины у глаз и рта были глубоки, будто вырезаны резцом, а не временем. Лицо – скуластое, с коротко подстриженной седеющей

щетиной, кожей, похожей на старую пергаментную карту, испещрённую мелкими трещинами от солнца и соли. Но главное – глаза. Светло-серые, почти водянистые. Холодные и непроницаемые, как иллюминаторы на глубине. Они скользнули по Марвину с головы до ног – быстрый, безошибочный сканирующий луч, оценивающий не только рост и комплекцию, но и степень податливости души, размер амбиций и порог страха.

– Я... простите. Капитан Доминик? – выдавил Марвин.

– «Простите» оставь на берегу, – голос был низким, сипловатым, словно простуженным от долгих разговоров с ветром. В нём не было ни дружелюбия, ни открытой враждебности. Была абсолютная нейтральность скалы. – На борту есть «да, капитан», «нет, капитан» и «понял». Или «Доминик», если очень повезёт и доживёшь. Ты Марвин Стоун?

– Да, капитан.

– Диплом, билет, – Доминик коротко кивнул на конверт в кармане Марвина.

Марвин, снова почувствовав себя курсантом на проверке, извлёк документы. Доминик взял их, даже не взглянув. Его пальцы, длинные, узловатые, с плохо зажившими шрамами на костяшках, перелистали страницы с пугающей быстротой. Он, казалось, не читал, а вдыхал информацию.

– Миннесота... Срочка на «Банкер Хилл», эсминец... Курсы... – он пробурчал себе под нос, затем резко поднял глаза. – Зачем? Зарплата офицера на флоте – не самая пло-

хая. Гарантии. Пенсия. Почему море на этой помойной бочке? – Он бросил короткий, презрительный взгляд на сияющую «Анадиомену».

Вопрос был неожиданным и острым, как гарпун. Марвин замер. Можно было соврать, сказать что-то пафосное о приключениях. Но холодные глаза капитана, казалось, видели насквозь. Он посмотрел поверх головы Доминика, туда, где за горизонтом лежали холмы Висконсина.

– Чтобы ни я, ни мои никогда больше не зарились на чужие крохи и не просили милости, капитан, – сказал он тихо, но чётко. – Чтобы был выбор. И чтобы за этот выбор не приходилось извиняться.

На лице Доминика ничего не дрогнуло. Но в глубине ледяных глаз что-то мелькнуло. Удовлетворение хищника, почуввавшего нужный запах? Или просто подтверждение расчёта?

– Выбор, – он растянул слово, пробуя его на вкус. – Интересная штука. Часто выглядит как дверь, а оказывается – люком в трюм. Пять тысяч. Долларов. За рейс. Наличными. Груз – «игрушки» для богатых детей в Картахене. Ты не видишь груз, не спрашиваешь о грузе, не думаешь о грузе. Ты – руки, глаза и послушная спина. Вопросы?

Пять тысяч. За один рейс. Это были лекарства для деда. Это был ремонт крыши. Это был шанс.

– Нет, капитан.

– Никаких «но»? Никаких сомнений в законности «игру-

шек»? – Доминик прищурился.

– Вы сказали – вопросов не задавать, – парировал Марвин.

На губах Доминика дрогнуло подобие улыбки. Кривой, беззубой.

– Умно. Или глупо. Покажет время. Поднимайся. Познакомишься с твоим новым домом и его обитателями. Добро пожаловать в ад, мальчик. Только здесь вместо огня – солёная вода. Она разъедает всё медленнее, но вернее.

Он развернулся и, не оглядываясь, зашагал по трапу на борт. Его походка была странной – не морской раскачивающейся, а упругой, кошачьей, словно он всегда был готов к внезапному крену или удару.

Марвин сделал глубокий вдох, вобрав в лёгкие тот самый густой, многослойный воздух порта. Потом шагнул на трап. Деревянные ступеньки мягко подались под его вес. Это был его первый шаг. Шаг из мира долгов, больниц и тихой, безнадёжной борьбы – в мир, где цена ошибки измерялась не просрочкой по кредиту, а, возможно, жизнью. Но и награда была иной. Он чувствовал это кожей.

Команда встречала его молчанием.

Они не стояли строем. Они занимались делом на почти безупречной палубе: двое полировали латунные поручни, один с полной отрешённостью проверял блоки на фалах, ещё один, огромный, лысый, с татуировкой осьминога на предплечье, сверлящим взглядом смотрел на Марвина из-под козырька кэпа. Все они были загорелыми до черноты, одеты

в практичную, неброскую рабочую одежду. Ни улыбок, ни кивков. Только быстрые, оценивающие взгляды, скользнувшие по нему и тут же отведённые в сторону. Он был чужим. Новым щенком, которого привёл хозяин.

– Экипаж! – голос Доминика, негромкий, но режущий, как туго натянутый трос, заставил всех замереть. – Новое мясо. Марвин. Будет делать то, что скажут. Не дружить с ним, не жалеть его, не доверять ему. Понятно?

Раздалось нестройное бормотание. «Понятно, капитан».

– Грегор! – крикнул Доминик.

Из люка, ведущего в машинное отделение, показалась голова в засаленной бейсболке с нечитаемой надписью. Лицо, похожее на высохшую, сморщенную грушу, с умными, усталыми глазами цвета моторного масла.

– Что, опять дитя природы привезли? На прокорм акулам?

– Твой. Обучишь основам. Чтобы не взорвал мне двигателя и не уронил яхту с кильблока.

Грегор вылез полностью. Он был невысок, сутуловат, в комбинезоне, покрытом причудливыми узорами из масляных пятен и ржавчины. Он подошёл к Марвину, обнюхал его, как старый ворон, и протянул руку. Ладонь была жёсткой, как наждак, и невероятно сильной.

– Грегор. Механик, электрик, сварщик и главный по вызову сатаны, когда эта помойка, – он кивнул на яхту, – решает упокоиться на дно. Ты – Марвин. Слушай: не трогай красные кнопки. Не лезь в зелёные коробки. И если услышишь, как в

машинке что-то поёт не своим голосом – беги ко мне, не геройствуй. Я не люблю трупы в моих механизмах. Испачкают.

– Я... постараюсь не мешать, – сказал Марвин.

– «Не мешать» – это уже хорошо, – буркнул Грегор и, повернувшись к Доминику, добавил: – Час на раскачку, капитан? Или сразу в бой?

– Час. Проведи его по нижним палубам. Покажи, где его каюта. Без лирики.

Доминик удалился в рубку, скрывшись за тонированной дверью из синего стекла.

Экскурсия по «Анадиомене» была стремительной и отрезвляющей. Грегор водил его по узким, безупречно чистым коридорам, мимо салонов с мебелью из карельской берёзы и кожи, мимо кинозала, хаммама и винной каюты с климат-контролем. Но его комментарии были кратки и циничны:

– Вот это – гостиная. Здесь хозяева пьют, хвастаются и заключают сделки. Наше дело – не слышать. Вот кухня. Дорогая. Готовить тут нельзя, только разогревать. Команда ест там, внизу. Вот главный трюм. – Он остановился у массивной герметичной двери с кодовым замком. – Туда – без приглашения. Это правило номер один. Правило номер два: если услышишь оттуда странные звуки – это тебе послышалось. Понял?

Марвин кивнул. Его морская сноровка подсказывала: под роскошными интерьерами скрывалась другая яхта. Усилен-

ные переборки, скрытые отсеки, слишком мощная система вентиляции для «игрушек». Это был контрабандистский корабль высшего класса. Волк в шкуре павлина.

Его каюта оказалась крошечной, но чистой. Две койки, шкафчик, маленький люк-иллюминатор. На второй койке лежал свёрнутый спальный мешок.

– Сосед – Финн, тот, что с осьминогом на руке, – пояснил Грегор. – Спит как убитый, храпит как трактор. Привыкнешь.

Перед самым отходом, когда на борту засуетились, готовясь к выходу в море, Марвин спустился на берег. Ему нужно было купить то, что он забыл, – обычные сигареты «Мальборо», не эти тонкие дамские штучки, что курили гости на палубе. Он нашёл ларек в двух кварталах от порта. Возвращаясь, он решил срезать путь через территорию старых складов.

Здесь было тихо и пустынно. Груды ржавых контейнеров, запах плесени и крысиного помёта. И тут он увидел её.

Она сидела на перевёрнутом деревянном ящике у открытых ворот пустого ангара, курила и смотрела в сторону порта, туда, где белела «Анадиомена». Её поза была непринуждённой, почти небрежной, но в ней чувствовалась скрытая пружина, напряжение дикой кошки на отдыхе. На ней было простое чёрное платье, но сидело оно на ней так, словно было сшито из теней и лунного света. Длинные ноги, обнажённые до бедра, туфли на невероятно высоких, тонких каб-

луках, которые впивались в грязный асфальт, словно стилеты. Руки – длинные, изящные, с ногтями, покрытыми лаком цвета запёкшейся крови, – лежали на коленях. Но главным было лицо. Его нельзя было забыть.

Резкие, высокие скулы, тонкий, прямой нос, губы – полные, ярко-алые, изогнутые в полуулыбке, в которой не было ни капли тепла. И глаза. Они были настолько тёмными, что казались чёрными бездонными колодцами. В них не отражалось солнце, не было в них и обычного человеческого любопытства. В них плавали отблески далёкого огня, отсветы глубины и что-то древнее, хищное, не знающее пощады.

– Красивая лодочка, – сказала она. Голос был низким, хрипловатым, как шорох шёлка по камню. – Новая игрушка Доминика? Или старая, просто вымытая до блеска?

Марвин остановился, застигнутый врасплох. Она говорила о «Анадиомене» с таким знакомым пренебрежением, будто обсуждала надоевшую куклу.

– Вы знаете капитана? – спросил он, не зная, что ещё сказать.

Она медленно выпустила струйку дыма, не сводя с него глаз.

– Все в этих водах знают Доминика. Он как старый риф – его либо с большим запасом обходят, либо о него разбиваются в щепки. А ты кто? Новый юнга? Или свежее мясо для его мясорубки?

– Я матрос.

– Матрос... – она рассмеялась, и смех её звучал как лёд, разбивающийся о камни. – Милый. Ты пахнешь солью, порохом, дешёвым мылом и... детством. Свежим, неиспорченным детством. Как интересно.

Она встала. Платье скользнуло по телу, подчёркивая каждую линию. Она была выше его, благодаря каблукам. Подошла так близко, что он почувствовал её запах – тяжёлый, дурманящий, смесь пачулей, табака, дорогого парфюма и чего-то ещё... металлического, медного, словно кровь на морозе.

– Слушай сюда, матрос, – она наклонилась к нему, и её шёпот обжёг ему кожу. – Там, на этой блестящей консервной банке, тебе будут предлагать выбор. Каждый день. Каждый час. Между долгом и выгодой. Между другом и правдой. Между жизнью и... чем-то, что лишь выглядит как жизнь. Запомни мой совет: когда якорь на шее начинает тянуть ко дну – не пытайся плыть с ним. Режь якорный канат. Без сожаления. Иначе утонешь, так и не узнав, на что была способна твоя душа.

– Кто вы? – прошептал Марвин, загипнотизированный её взглядом.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то бесконечно печальное и жестокое одновременно.

– Предупреждение. Или обещание. Смотря как повернётся. Меня зовут Алиса. Думаю, ты ещё услышишь это имя. А теперь беги. Твой капитан ненавидит, когда его имущество

отлучается без спроса.

Она развернулась и пошла прочь, её каблуки отбивали чёткую, насмешливую дрожь по асфальту. Через мгновение она растворилась в тени между складами, оставив после себя лишь клубящийся в воздухе тяжёлый аромат и ощущение лёгкого головокружения.

Марвин стоял, сжимая пачку сигарет, и смотрел в пустоту. Сердце бешено колотилось, но не от страха. От какого-то странного, щекочущего нервы предвкушения. Она была опасностью. Она была тайной. Она была частью этого нового мира, в который он шагнул. И этот мир оказался гораздо сложнее, глубже и страшнее, чем он мог предположить.

На борту «Анадиомены» его встретил Грегор.

– Где пропадал? Капитан свистит всех на палубу. – Старый механик принялся, и его глаза сузились. – Ты... ты её видел?

– Кого?

– Не кого, а что. Ту, что с глазами как мазутная лужа и душой как ржавая бритва. Алису.

Марвин кивнул.

– Держись от неё подальше, парень, – прошипел Грегор, оглядываясь. – Она не для таких, как ты. Она... она как морская болезнь. Сначала кружится голова и кажется, что это романтика. А потом тебя рвёт желчью, и ты готов выпрыгнуть за борт, лишь бы это прекратилось. Запомни.

Но запомнить было уже невозможно. Её образ врезался в

память, как татуировка.

«Анадиомена» отошла от причала в 18:30 по местному времени. Двигатели загудели негромко, вибрация едва ощутимой дрожью прошла по палубе. Марвин стоял на корме, на том самом месте, где час назад стоял Доминик, и смотрел, как Майами превращается в сверкающую огнями игрушку, потом в тонкую полоску на горизонте, а потом исчезает вообще.

Вокруг был только океан. Бесконечный, тёмный, дышащий. Ветер окреп, стал чистым, солёным, безжалостным. Он выдувал из головы последние сомнения, страхи, мысли о долгах и больницах. Оставалось только это: палуба под ногами, горизонт впереди и тихая, нарастающая уверенность, что он на своём месте.

Где-то далеко, на берегу, в тени пустого склада, Алиса смотрела в темнеющее небо и медленно перебирала пальцами что-то в кармане своего платья. Что-то маленькое, мягкое и ещё тёплое. Заготовку. Начало. Первую ниточку, которую она собиралась вплести в судьбу наивного матроса с глазами цвета висконсинских озёр.

А Доминик, стоя в высокой рубке перед экранами радаров, смотрел на точку, обозначающую их курс, и думал о чём-то своём. О новом инструменте. О его прочности. О том, какую цену можно будет за него выручить, когда инструмент отслужит свой срок или сломается.

Первая яхта. Первое море. Первые тени легли на воду.

Путешествие началось.

ГЛАВА МАГ

(Атлантический океан. 120 морских миль к востоку от Майами. Двое суток в море)

Сон на «Анадиомене» не был сном. Это было кратковременное отключение сознания в промежутках между гулом двигателей, скрипом корпуса и резкими командами, отдаваемыми где-то на палубе. Каюта Марвина находилась глубоко под ватерлинией, в самом сердце корабля, где тишина была условной, а воздух пах машинным маслом, озоном и сладковатым запахом кондиционера, работающего на износ.

Его сосед, Финн, оказался норвежцем-великаном с лицом, вырубленным топором, и манерой разговаривать исключительно хриплым шёпотом. Он спал в одежде, не снимая тяжёлых ботинок, и его храп напоминал звук лебёдки, поднимающей якорь. В первую ночь Марвин лежал, уставившись в потолок, и слушал эту симфонию. Его мысли металась между предупреждением Алисы и холодным взглядом Доминика. «Пять тысяч за рейс». Эти слова горели в темноте, как цифры на табло.

Утром его разбудил резкий стук в дверь. Вошёл Грегор, неся два металлических термоса.

– Кофе. Наш эликсир жизни. Пей. Через пятнадцать минут на верхней палубе. Капитан хочет поговорить с твоим светлым будущим.

Кофе был густым, чёрным и горьким, как смола. Марвин выпил его залпом, чувствуя, как по жилам разливается волна трезвого, недоброго тепла.

Верхняя палуба на рассвете была другим миром. Воздух, ещё прохладный, был настолько чист, что резал лёгкие. Солнце, только-только вырвавшееся из океана, заливало тик жидким золотом. «Анадиомена» шла ровно, оставляя за кормой широкий, пенистый след. Доминик стоял у борта, спиной к нему, и смотрел на воду. Он был в том же, что и вчера, но теперь на нём была надета тонкая кожаная куртка без подкладки.

– Стоун. Подойди.

Марвин подошёл. Доминик не повернулся.

– Что видишь?

– Море, капитан.

– Конкретнее.

Марвин присмотрелся. Волны были невысокие, но частые, с белыми барашками. Ветер дул с северо-востока, минут пять-семь узлов.

– Волнение два балла. Ветер устойчивый, семь узлов с норд-оста. Погода ясная, но... на горизонте перистые облака. К вечеру может смениться.

Доминик наконец обернулся. В его глазах промелькнуло что-то вроде одобрения.

– Не совсем деревенщина. Хорошо. Теперь смотри сюда.

– Он указал на приборную панель, встроенную в стойку ру-

ля. Десятки экранов, датчиков, переключателей. – Это мозг. Ты будешь его продолжением. Сейчас мы идём на автопилоте по заданным координатам. Но автопилот – это баба с закрытыми глазами. Она не видит рыболовные сети, контейнеры, смытые с палуб, браконьерские дрейфтеры. Твоя задача – смотреть. Всегда. Не на экраны. В окна. На воду. Радар видит только то, что выше воды. Полтора метра под ватерлиной – уже слепая зона. Понял?

– Понял, капитан.

– Второе. Груз. – Доминик понизил голос, хотя вокруг никого не было. – Мы зайдем в Нассау для пополнения запасов. Это спектакль. Ты – статист. Никаких разговоров с берегом. Никаких вопросов. Мы берем воду, провизию, пару ящиков с бутылками для витрины. Настоящий груз уже на борту. И он остаётся на борту. Твои глаза его не видели. Твои уши о нём не слышали. Даже твои мозги не догадываются. Это правило выживания. Нарушишь – не я тебя убью. Тебя убьёт система. Медленно. И с удовольствием.

Он помолчал, давая словам впитаться.

– Сейчас иди к Грегору. Он покажет тебе, как обслуживать систему забортной воды и опреснители. Знание скучное, но если они встанут – через три дня мы будем пить свою мочу. Не романтично.

Обучение у Грегора проходило в тесном, оглушительно гудящем машинном отделении. Старик оказался блестящим преподавателем – саркастичным, нетерпеливым, но объяс-

няющим суть с кристальной ясностью.

– Видишь эту красавицу? – он похлопал по корпусу сложного аппарата с множеством трубок. – Опреснитель обратного осмоса. Дорогая игрушка. Превращает морскую воду в питьевую, отфильтровывая всю гадость. Но если забьётся мембрана – конец. А знаешь, что её забивает быстрее всего? Надежда и глупость. Надежда, что пронесёт. И глупость – не проверять фильтры пре-очистки. Вот эти, видишь?

Марвин кивал, впитывая информацию. Грегор водил его по лабиринту труб, клапанов, щитов с мигающими лампочками.

– Эта яхта, парень, как красивая женщина с гнилыми зубами, – хрипел он, протискиваясь между двумя резервуарами. – Снаружи – красота. Внутри – сложная, капризная, дорогая в обслуживании и очень опасная, если ей пренебрегать. Доминик это знает. Поэтому он и нанял тебя. Ты не из этого мира. У тебя нет дурных привычек. И нет долгов перед старыми друзьями. Ты чистый лист. Идеальный инструмент.

– А вы? – рискнул спросить Марвин. – Почему вы здесь? Грегор остановился, вытер лицо грязной ветошью.

– Я? Я здесь, потому что море – честнее людей. Оно либо принимает тебя, либо убивает. Никаких полутонов. А ещё... – он понизил голос, – потому что однажды я видел, как Алиса разговаривала с акулой. И акула её послушалась. После такого хочется быть поближе к сильному капитану и подальше от берега.

Вечером второго дня погода, как и предсказывал Марвин, начала меняться. Перистые облака сменились тяжёлыми свинцовыми тучами. Ветер усилился, завывая в вантах. «Анадиомена» начала мерно раскачиваться на набегających волнах. Доминик вызвал Марвина в рубку.

– Штормит. Автопилот сбоит. Возьмёшь руль. Покажешь, чему тебя учили на игрушечных корабликах.

Это был не вопрос. Марвин встал за штурвал. Его ладони обхватили прохладную кожу рулевого колеса. Он почувствовал, как яхта живёт под ногами – каждый крен, каждый подъём на волне. Он ловил ритм, стараясь гасить рысканье до того, как автопилот начнёт судорожно дёргать рулями. Это был танец. Сложный, требующий полной концентрации.

– Не борись с морем, – проговорил Доминик, наблюдая за ним. – Предугадывай его. Чувствуй, как волна поднимает корму, и помогай ей. Ты не водитель. Ты партнёр.

И тут это случилось. Резкий, спазматический укол в виске. Не боль, а скорее вспышка ослепляющего белого света за веками. Марвин на мгновение потерял ориентацию. Его руки дёрнулись, и яхта резко клюнула носом, съехав с гребня волны. Показания курса поплыли.

– Стоун! Соберись! – крикнул Доминик.

Марвин тряхнул головой. Тошнота, кислая и липкая, подкатила к горлу. Перед глазами проплыл образ: тёмные глаза Алисы, её алые губы, шепчущие что-то. Он услышал запах – тот самый, смесь пачулей и меди. Он был здесь, в рубке.

Это невозможно.

– Капитан, я...

– Морская болезнь? На вторые сутки? – в голосе Доминика зазвучало презрение.

– Нет. Голова... кружится.

Домиинк пристально посмотрел на него. Его взгляд стал аналитическим, холодным.

– Сойди. Отдохни десять минут. Подышишь воздухом. Потом вернёшься.

Марвин, шатаясь, вышел на палубу. Ветер и брызги солёной воды ударили в лицо. Видение рассеялось, но слабость и тошнота остались. Он прислонился к леерному ограждению, глотая воздух ртом.

Где-то далеко, в тёмной комнате с закрытыми ставнями на окраине Нассау, Алиса сидела на полу в круге, начертанном морской солью. Перед ней на низком столике лежала восковая фигурка, грубо, но узнаваемо напоминающая Марвина. Рядом дымилась черная свеча, вонючая от добавленных трав. В её руках была игла – не простая, а костяная, выточенная из шипа ската.

– Ты чувствуешь моё присутствие, – прошептала она, проводя иглой по щеке куклы. – Ты пытаешься сосредоточиться на нём, на его командах. Но я здесь. Я в твоей крови. В твоём дыхании. Ты будешь ошибаться. Ты будешь слабеть. И когда ты упадёшь, ты вспомнишь лишь моё имя. – Она медленно, с наслаждением, воткнула иглу в область сердца куклы. Воск

поддался с лёгким хрустом.

На палубе «Анадиомены» Марвин вскрикнул от внезапной, острой боли в груди. Он схватился за сердце, но боли уже не было. Было лишь глухое, томительное эхо, как после удара. И непреодолимое, паническое желание... повернуть назад. В Майами. Туда, где он видел её в последний раз. Это желание было настолько иррациональным и сильным, что его затопила волна страха. Это было не его. Это было в него вложено.

Он оттолкнулся от леера и глубоко, с силой вдохнул. «Режь якорный канат», – вспомнил он её же слова. Что это было? Предупреждение или часть плана?

Он заставил себя выпрямиться. Посмотрел на тёмную воду, на штормовое небо. Внутри всё ещё дрожало, но разум начал брать верх. Он не мог позволить этому страху, этой чужой воле, управлять им. Цена была слишком высока. Он мысленно представил деда. Его спокойное, мудрое лицо. Его голос: «Шторм проходит, сынок. Всегда. Главное – держать курс».

Марвин повернулся и твёрдой походкой направился обратно в рубку. Его лицо было бледным, но решительным.

Доминик, наблюдавший за ним с крыла мостика, заметил эту перемену. Уголки его губ дрогнули. Он видел страх, но увидел и то, как этот страх был подавлен. Это было интересно. Очень интересно. Материал оказался прочнее, чем он думал. Или... кто-то уже начала его испытывать на прочность?

Мысль о вмешательстве Алисы заставила его глаза сузиться до щелочек. Игра усложнялась. И от этого она становилась только увлекательнее.

В эту ночь Марвину приснился сон. Он стоял на палубе «Анадиомены», но яхта была пуста. Ни Доминика, ни команды. Только он и бесконечное, чёрное как смоль море. И тогда из воды медленно поднялась Алиса. Её чёрное платье было сухим, волосы развевались в несуществующем ветре. Она протянула к нему руку, и на ладони лежал тот самый свинцовый якорь, что носил Доминик.

– Выбирай, – сказал её голос, звучавший со всех сторон. – Его якорь... или моё кольцо? Его дисциплина... или моя свобода? Его холод... или мой огонь?

Он хотел закричать, что не хочет ни того, ни другого, но не мог издать ни звука. Алиса улыбнулась, и её улыбка была полна бесконечной, леденящей жалости.

– Ты уже выбрал, милый. Ты поднялся на борт.

Марвин проснулся в холодном поту. Было без пятнадцати четыре утра. Финн на соседней койке храпел, как трактор. За иллюминатором бушевала настоящая атлантическая волна. Яхта стонала всеми своими стальными ребрами. Он лежал и смотрел в потолок, слушая этот стон. Он больше не был наивным парнем из Висконсина. За двое суток он стал кем-то другим. Человеком, который узнал вкус чужой воли, вплетённой в его собственную. Человеком, вставшим на путь, где учитель мог оказаться тюремщиком, а соблазн – ловушкой.

Он закрыл глаза и снова увидел деда. Но на этот раз дед не улыбался. Он смотрел серьёзно и строго, как в детстве, когда объяснял, как чинить забор.

– Держи курс, Марвин, – сказал дед в его воображении. – Даже если компас врёт. Держи свой.

Это было всё, что у него было. Его собственный внутренний компас. И он поклялся себе следовать ему, что бы ни происходило.

А на горизонте уже маячили огни Нассау. Первая остановка. Первое испытание на суше. И где-то там, в городе, среди ярких огней и тёмных переулков, возможно, уже ждала его Алиса, чтобы продолжить начатую игру.

ГЛАВА ЖРИЦА

(Нассау, Багамы. Бухта «Пауэлл-Пойнт». Третьи сутки плавания)

Нассау встретил их буйством красок и тишиной денег. Белоснежные мегаяхты, выстроившиеся в ряд у набережной Кейбл-Бич, казались не кораблями, а архитектурными капризами миллиардеров. Воздух был сладким от запаха цветов, жареной рыбы и дорогого солнцезащитного крема. «Анадиомена», войдя в бухту, стала просто одной из многих – роскошной, но не уникальной. Это была идеальная маскировка.

Доминик собрал команду на корме перед высадкой.

– У нас шесть часов. Пополнение запасов, формальности. Грегор, Финн – со мной. Остальные – ротация по двое на борту. Стоун, ты первый в смене. Не спускать глаз с трапа. Никого не пускать. Даже если это будет сам губернатор с шампанским. Особенно – если это будет сам губернатор с шампанским. Понятно?

Все кивнули. В глазах Доминика появилось то самое ледяное, сосредоточенное выражение, которое означало: начинается настоящая работа.

Марвин остался на борту с ещё одним матросом – молчаливым филиппинцем по имени Карлос. Они расчищали палубу, готовя её к приёму якобы «заказанных» ящиков с про-

визией и вином. Работа была монотонной, но Марвин чувствовал нервное напряжение. Он видел, как Доминик, Грегор и Финн скрылись в здании портовой администрации с папкой документов. Он знал, что происходит не просто пополнение запасов. Где-то здесь, в этом раю для богатых, должен был произойти контакт. Передача чего-то. Или получение.

Через час к трапу подошла машина – чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Из неё вышли трое мужчин в простой, но дорогой одежде. Они несли ящики. Марвин, следуя указанию, преградил им путь.

– Проход закрыт. Ожидайте капитана.

Один из мужчин, с лицом боксёра-пенсионера, усмехнулся.

– Капитан Доминик ждёт именно нас, сынок. Проверь, если не веришь.

Марвин взглянул на Карлоса. Тот молча кивнул к рубке. На крыле мостика, невидимый снизу, Доминик сделал короткий, почти незаметный жест рукой: пропустить. Марвин отступил. Мужчины внесли на борт четыре прочных пластиковых контейнера, запечатанных бирками. Они отнесли их не в трюм для провизии, а в ту самую гермодверь, которую Грегор назвал «слепой зоной». Дверь открыл Грегор, появившийся изнутри. Он молча принял груз, кивнул, и дверь закрылась. Мужчины ушли так же быстро, как и появились.

Это было слишком просто. Слишком гладко. И именно

это насторожило Марвина больше всего.

Когда Домиинк вернулся на борт, его лицо было каменным. Он прошёл прямо в рубку, не глядя ни на кого. Час спустя он вызвал к себе Марвина.

– Ты справился. Холодно, без лишних вопросов. Это хорошо. Теперь увольнительная. До вечера. Будь в порту к восьми. Точность.

– Капитан? Я могу остаться на...

– Это не просьба, Стоун. Это приказ. Сойди на берег. Пройдись. Почувствуй землю под ногами. Она тебе ещё понадобится.

В этом был скрытый смысл. Доминик выталкивал его из зоны контроля. Зачем? Чтобы проверить? Или потому, что знал: на берегу его уже ждёт что-то... или кто-то?

Нассау за пределами портовой зоны был другим городом. Ярким, шумным, пахнущим ромом, потом и морем. Марвин брёл по улицам, не зная цели. Он зашёл в банальный сувенирный магазин, купил открытку с видом маяка, чтобы отправить Эмили. Вышел. И тут его взгляд упал на вывеску, почти скрытую в узком переулке: «Мадам Элоиза. Гадания. Корни и травы. Помощь в трудных делах».

Окно было завешено тёмно-бардовой тканью. На подоконнике стояли сушёные растения, странные коряги и несколько кукол из ткани. Не Вуду, но что-то похожее. Его ноги сами понесли его к двери. Колокольчик над входом звякнул жалобно.

Внутри пахло пылью, сухими травами, воском и чем-то сладковато-гнилостным. За прилавком, заваленным банками, свёртками и книгами с потрёпанными корешками, сидела пожилая женщина. Негритянка с лицом, испещрённым морщинами, как старый пергамент. Её волосы были убраны под пёстрый платок. Но глаза... глаза были молодыми, острыми и невероятно печальными.

– Ты пришёл от воды, – сказала она, не как вопрос, а как констатацию факта. Её голос был скрипучим, с сильным багамским акцентом. – От белой лодки с холодным капитаном.

Марвин замер.

– Как вы...?

– Молчи. Дай посмотреть. – Она жестом подозвала его ближе, взяла его руку в свои сухие, тёплые ладони, но не стала разглядывать линии. Она закрыла глаза и просто держала. Её лицо исказилось гримасой боли. – Ох, дитя... На тебе печать. Двойная печать. Одна – тяжёлая, холодная, как железо. Другая... другая горячая и цепкая, как лиана. Она уже пускает корни.

Она отпустила его руку, как будто обожглась.

– Уходи. Сейчас же. Вернись на корабль и уплыви.

– О чём вы? Какая печать?

Женщина, которую, видимо, звали мадам Элоиза, посмотрела на него с бесконечным состраданием.

– Капитан твой – опасный человек. Он видит в тебе вещь. Полезную, красивую вещь. Он будет использовать тебя, пока

ты не сломаешься. Но она... она хуже.

– Алиса? – прошептал Марвин.

Услышав это имя, старуха содрогнулась всем телом. Она перекрестилась странным, нехристианским жестом – коснулась лба, затем сердца, потом обоих плеч.

– Не произноси это имя здесь! Ты привлечёшь внимание!

– Кто она?

Мадам Элоиза оглянулась, словно боясь, что тени в углах её лавки подслушивают. Она наклонилась вперёд и заговорила быстро, таинственно:

– Она из семьи Дювалей. Старая семья. Очень старая. С материнской линии – потомки жриц, пришедших с кораблями из Дагомеи сотни лет назад. С отцовской... несчастные. Все мужчины в их роду гибли. Молодыми. От пули, ножа, воды, огня. Говорили – проклятие за то, что предок предал своих и продал священные знания. Отец Алисы, красавец-моряк, утонул, когда ей было пять лет. Брат сорвался со скалы в десять. Дядя... его нашли в собственной постели с сердцем, разорванным, будто когтями изнутри. А она... она росла с этим. С знанием, что мужская кровь в её роду не держится. И она решила не быть жертвой. Она решила стать хозяйкой. Сильнее проклятия. Сильнее смерти.

Старуха сделала глоток воды из глиняной кружки.

– Она училась. У старух в горах, у странствующих колдунов, по старым книгам, что прятали её предки. Она поняла, что у неё дар. Сильный, как ураган. Но тёмный, дикий. Она

не исцеляет. Она... привязывает. Берет. Питается. Сначала это были мальчишки, влюблённые в её красоту. Они сходили с ума. Один повесился на её пороге. Другой бросился в море со скалы, крича её имя. Третий... его нашли в болоте, он был иссечён ножом – своим же собственным. Говорили, он бичевал себя, крича, что недостойн её.

Марвину стало физически плохо. История Алисы обрела чудовищные очертания.

– И её это не остановило?

– Остановило? – мадам Элоиза горько рассмеялась. – Это убедило её! Она увидела, какую власть имеет. Она решила, что ей всё дозволено. Что она выше законов божьих и человеческих. Она стала собирать силу. И нашла идеальный источник – людей вроде твоего капитана. Сильных, опасных, с тёмной энергией. Она не любит их. Она их использует. Высасывает из них амбиции, удачу, смелость, как сок из плода. А потом выбрасывает шелуху. Твой капитан... он, кажется, первый, кто её боится и ненавидит в ответ. Но даже он не может порвать её сети. А ты... ты для неё что-то новое. Свежее. Чистое. Идеальная глина. И она уже начала лепить.

– Что мне делать? – голос Марвина сорвался на шёпот.

– Беги, дитя! Уплывай сегодня же! Забудь и деньги, и эту яхту! Твоя душа дороже!

– Я не могу. У меня семья...

– Тогда умрёшь ты, а за тобой – и они. Горе высушит их, как солнце высушивает рыбу на песке.

В этот момент колокольчик над дверью дёрнулся и зазвенел яростно, хотя дверь не открывалась. Воздух в лавке стал густым, тяжёлым. Мадам Элоиза вскочила, её глаза расширились от ужаса.

– Она знает! Она чувствует, что я тебе говорю! Уходи! Сейчас же!

Она почти вытолкала его в переулок. Дверь захлопнулась за его спиной. Марвин, едва держась на ногах, опёрся о стену. Сердце колотилось, в ушах шумело. История старухи была безумной. Но она объясняла всё: и его видения, и боль, и навязчивые мысли. Она объясняла саму Алису.

Он побрёл прочь, не разбирая дороги. Он вышел на набережную, но не туристическую. Это была старая, полуразрушенная пристань, где стояли рыбацкие лодки. И там, на самом конце пирса, спиной к нему, сидела она.

Алиса.

На ней было лёгкое белое платье, развевавшееся на ветру. Волосы были распущены. Она сидела, свесив ноги над водой, и смотрела на заходящее солнце. Картина была идиллической, прекрасной. Но Марвин, зная то, что теперь знал, видел в этом одиночестве что-то бесконечно жуткое.

Он хотел было развернуться и уйти, но ноги не слушались. Он подошёл ближе. Шаги его поскрипывали на старых досках. Она не обернулась.

– Я знала, что ты придёшь, – сказала она тихо. – Ты всегда придёшь. У тебя нет выбора.

Она обернулась. Её лицо было спокойным, почти нежным. Но в глубине чёрных глаз плясали отблески заката, как языки далёкого пламени.

– Ты говорил со старой Элоизой. Она наговорила тебе страшных сказок, да? О проклятиях, о смерти, о моей... ненасытности.

– Это правда? – его голос прозвучал хрипло. – Про твою семью? Про тех мужчин?

Тень промелькнула на её лице. Не боль, а раздражение. Как будто она вспомнила о надоедливом насекомом.

– Правда – это то, что мы решаем считать правдой, Марвин. Да, мужчины в моём роду были слабы. Они не могли выдержать силу, что течёт в нашей крови. Они ломались. Я – нет. Я взяла эту силу и сделала её своей. А те глупые мальчишки... они сами хотели быть сожжёнными. Они молились на меня. Я просто... приняла их жертву. Так устроен мир. Сильный берёт то, что слабый не может удержать.

Она встала и подошла к нему. Теперь он видел в её глазах не тайну, а холодное, высокомерное величие.

– Ты не такой, как они. В тебе есть стержень. Доминик это видит. Я это вижу. Он хочет сломать тебя и выковать из тебя нож. Я... я хочу разжечь в тебе огонь. Чтобы ты горел для меня. Ярко. Вечно.

Она протянула руку и коснулась его виска. Её пальцы были холодными. В тот же миг в голове у Марвина вспыхнуло: он увидел себя стоящим на палубе огромной, чёрной яхты, у

его ног лежал Доминик с пустым, безжизненным взглядом, а сам он, Марвин, был одет в дорогой костюм, и в его руках был штурвал, но не корабля, а целой империи. И рядом с ним, положив руку ему на плечо, стояла Алиса, улыбающаяся, как королева.

Видение было ослепительным, соблазнительным, полным абсолютной власти и бесконечного богатства.

– Это может быть твоим, – прошептала она, и её голос звучал прямо у него в мозгу. – Всего лишь отдай мне то, что ему не принадлежит. Твою преданность. Твою душу. Она всё равно уже частично моя. Заверши круг.

Искушение было колоссальным. Это был выход из всех долгов, решение всех проблем. Месть Доминику за его холодность. Власть. Уважение. Всего одна цена...

Он отшатнулся, разрывая физический и ментальный контакт. Её рука повисла в воздухе.

– Нет, – прохрипел он. – Я не хочу быть твоей жертвой. И не хочу быть твоим оружием.

Удивление на лице Алисы сменилось ледяной яростью. Красота её исказилась, стала почти гротескной.

– Ты отказываешься? МНЕ? – её голос набрал силу, стал вибрировать, и в нём зазвучали низкие, нечеловеческие обертоны. Воздух вокруг них похолодел. – Ты думаешь, у тебя есть выбор? Ты уже в сети, мальчик. Каждая твоя мысль обо мне, каждый страх, каждый сон – это нить. Я сплету из них клетку, и ты будешь молить меня впустить тебя внутрь!

Она сделала резкий, отрывистый жест рукой. Марвин почувствовал, как в горле перехватывает дыхание. Голова закружилась. Но вместо страха его охватил гнев. Чистый, яростный гнев человека, которого пытаются сломать.

– Режь якорный канат, – прошипел он, вспомнив её же слова. – Ты сама научила.

Он развернулся и пошёл прочь. Шатаясь, но твёрдо. Со спины он чувствовал её взгляд – тяжёлый, как свинец, горящий, как ненависть. Он не оборачивался. Он шёл к порту, к «Анадиомене», к своему аду, который теперь казался почти безопасным по сравнению с тем, что предлагала она.

На борту его встретил Грегор. Старик взглянул на его лицо и всё понял без слов.

– Побывал в гостях у нашей местной богини? – хрипло спросил он.

Марвин только кивнул.

– И жив ещё. Крепкий орешек. Но, парень... – Грегор понизил голос, – теперь она никогда не отстанет. Ты стал для неё вызовом. А она ненавидит проигрывать.

В рубке Доминик изучал карты. Он взглянул на вошедшего Марвина. Его холодные глаза заметили бледность, тень потрясения.

– Земля тебе не понравилась, Стоун?

– Нет, капитан.

– Правильно. Земля – для слабых. Море очищает. Готовься к отходу. Мы уходим через час. Курс – на юго-восток. В

открытый океан.

Марвин кивнул и вышел. Он стоял на палубе, глядя, как огни Нассау зажигаются в вечерних сумерках. В его кармане лежала открытка для Эмили. Он вытащил её и разорвал на мелкие кусочки, бросив в воду. Писать сейчас было нельзя. Он не мог впустить даже частичку этого мира, этой тьмы, в свой дом.

Где-то на тёмном пирсе Алиса смотрела, как огни «Анадиомены» удаляются в ночь. В её руке она сжимала маленькую восковую фигурку. На этот раз у куклы в районе спины был отломан кусочек – там, где должна была быть воля.

– Упрямый, – прошептала она беззвучно. – Сильный. Мне это нравится. Игра только начинается, Марвин. Ты научишься кланяться. Все они научились.

Она повернулась и исчезла в надвигающейся тропической ночи, неся с собой свою древнюю, роковую силу и уверенность, что судьба этого матроса с озёрными глазами уже предreshена. Она не знала только одного: что в Марвине, помимо стержня, была простая, непритязательная любовь к своей семье. И эта любовь, не такая яркая, как её магия, и не такая холодная, как сталь Доминика, оказалась крепче и того, и другого. Пока что.

ГЛАВА ИМПЕРАТРИЦА

(Порт Геркулес, Монако. Спустя десять дней после Нассау)

Если Нассау был ярким, шумным балаганом, то Монако – это усыпальница. Усыпальница тишины, приличий и денег, настолько старых, что они уже не пахли. Воздух здесь был другим: стерильным, с лёгкими нотами хлорки от бассейнов, дорогой кожи и страха – страха потерять лицо, статус, место в этой иерархии, выстроенной из стекла, стали и предков.

«Анадиомена», входя в порт Геркулес, сбавила спесь. Среди гигантов по сто, сто пятьдесят метров, среди вертолётных площадок, яхт-небоскрёбов с названиями вроде «Сарданапал» или «Эклипс», она стала изящной, почти миниатюрной аристократкой. Но аристократкой с тайной. Доминик, стоя на крыле мостика, смотрел на этот лес мачт без тени восхищения. Его лицо было напряжённым, как тетива.

– Цирк уродов, – пробурчал он, обращаясь скорее к себе. – Каждый метр здесь прослушивается и просматривается. Финн, Карлос – на глухой пост. Ничего не трогать, ни с кем не говорить. Грегор, проверь все системы связи на предмет «жучков». Стоун, со мной.

Марвин следовал за ним по опустевшей вечерней набережной. Доминик шёл быстро, его топсайдеры беззвучно ступали по идеальной плитке. Они миновали Casino de

Monte-Carlo, где свет лился из высоких окон золотыми потоками, и свернули в менее освещённый переулок. Целью был неприметный клуб с бронзовой дверью и единственным глазком. Доминик назвал пароль на французском, и их впустили.

Внутри было тихо и темно. Красный бархат, низкие столы, свет от ламп с абажурами цвета старого коньяка. За одним из столов сидели трое мужчин. Они не были похожи на мафиози из кино. Скорее, на директоров страховых компаний или владельцев виноделен: дорогие, но консервативные костюмы, седые виски, спокойные жесты. Но глаза... глаза оценивали Доминика и скользнули по Марвину с холодным, безличным интересом, как бухгалтеры рассматривают новый актив.

– Доминик. Время, как всегда, дорого, – сказал центральный, с тонкими губами и перстнем с тёмным сапфиром.

– Бертран. Груз доставлен, инцидентов нет. Качество подтверждено, – отчеканил Доминик, кладя на стол маленькую флешку.

– Прекрасно. Твоя доля. – Бертран отодвинул тонкий кожаный портфель. – И бонус. За аккуратность. Клиент доволен отсутствием... суеты.

Доминик кивнул, не открывая портфель. Он знал счёт. Марвин стоял в двух шагах, стараясь дышать ровно. Он понимал, что присутствует на сдаче экзамена. Его экзамена. Он был частью «аккуратности».

– Молодой человек, – вдруг обратился к нему Бертран. – Вы провели первую операцию. Ощущения?

Все взгляды впились в Марвина. Доминик не шевельнулся, дав ему отвечать.

– Море было спокойным, сэр, – сказал Марвин, глядя в пространство между собеседниками.

– «Спокойным»... Иносказательно. Умно. Доминик, ты находишь перспективных щенков. Обучай. Но не забывай – ошейник должен сидеть плотно.

На прощание Бертраном был лёгкий, уничижительный кивок. Они вышли. На улице Доминик открыл портфель, отсчитал пачку стодолларовых купюр и сунул её Марвину в грудной карман, похлопав по нему.

– Твои пять. И две сверху – за «спокойное море». Не трать на ерунду. Или трать. Но помни – за каждой потраченной здесь сотней стоит риск. Твой риск.

Семь тысяч долларов. Тяжёлый, плотный кирпичик в кармане. Это были лекарства для деда. Ремонт крыши. Год учёбы Эмили. Но в этот момент они были просто бумагой, пропуском в ту самую усыпальницу, которую он только что покинул.

Вернувшись в порт, они обнаружили на палубе «Анадиомены» приглашение. Оно лежало на барной стойке в главном салоне, в конверте из плотной, сливочного цвета бумаги с тиснённым гербом: стилизованная волна и диадема. Текст был лаконичен:

«Капитан Доминик и его команда приглашаются сегодня вечером на борт яхты «Пьетà» (причал А-1). Факультативно. А.Д.»

Инициалы «А.Д.» Доминик прочёл вслух, и его лицо исказила гримаса чистого, неподдельного отвращения.

– Алиса Дюваль. Чёртова... – он скомкал приглашение, но затем разгладил его, раздумывая. Его взгляд упал на Марвина. – Она хочет показать свою власть. Показать, что даже здесь, в логове этих крыс, у неё есть доступ. И она хочет «тебя». Публично. – Он помолчал. – Мы пойдём.

– Капитан? – не понял Марвин.

– Стратегия, Стоун. Иногда нужно показать, что ты не боишься зайти на территорию врага. Иногда нужно дать врагу почувствовать себя победителем, чтобы он расслабился. И иногда... – его глаза сузились, – нужно посмотреть, на кого именно она будет охотиться при всех. Одеться. Что-нибудь... нейтральное. Не выгляди как официант.

Яхта «Пьетà» была вдвое больше «Анадиомены» и воплощала в себе идею плавучего дворца эпохи декаданса. Четыре палубы, обилие золота, мрамора, хрустальных люстр, отражавшихся в лакированном тике. Гул голосов, смех, музыка – не громкая, а струящаяся, как фонтан. Люди в вечерних нарядах, безупречные, улыбающиеся, с глазами, которые скользили по тебе, оценивая стоимость часов, кроя пиджака, уверенность в позе.

И среди этого мерцающего зверинца она была центром. «

Алиса».

На ней было платье цвета запёкшейся крови, длинное, облегающее, с одним оголённым плечом. Волосы были убраны в сложную, слегка небрежную причёску, от которой тонкая шея казалась ещё более хрупкой и опасной. В руке она держала бокал с шампанским, но не пила, а как бы окунала в него кончики пальцев. Она разговаривала с седовласым мужчиной в смокинге, и тот слушал её, слегка наклонив голову, с выражением подобострастного интереса.

Увидев Доминика и Марвина на трапе, она прервала разговор. Её взгляд встретился с Марвиным, и она улыбнулась. Улыбка была тёплой, гостеприимной, но в глубине чёрных глаз плескалось торжество. Смотри, в каком мире я царствую.

– Капитан Доминик! Какая неожиданная честь! – её голос звенел, как хрусталь. – И вы привели вашего протеже. Марвин, не правда ли? Я слышала, ваш первый рейс прошёл безупречно. Поздравляю.

Она протянула руку. Марвин, чувствуя на себе десятки взглядов, пожал кончики её пальцев. Они были холодными. От её прикосновения по руке пробежал знакомый, противный холодок, но на этот раз смешанный с запахом дорогих духов – не пачулей, а чего-то цветочного и горького, как миндаль.

– Мадемуазель Дюваль, – кивнул Доминик, его голос был ровным, вежливым и абсолютно пустым. – Благодарю за при-

глашение. Позвольте нам осмотреться? Моя команда редко видит такие... произведения искусства.

– Но конечно! Марвин, останьтесь на минутку. Я хочу представить вас кое-кому.

Доминик бросил на Марвина короткий взгляд – в нём было предупреждение и приказ: «Выдержи. Но не переигрывай» – и растворился в толпе, направляясь к бару, где его уже ждал какой-то знакомый с лицом, покрытым шрамами от бритья.

Алиса взяла Марвина под руку и повела по палубе. Её близость была оглушительной. Она представляла его людям: «Марвин, восходящая звезда капитана Доминика... Марвин, только что блестяще завершил сложный рейс...» Он улыбался, кивал, чувствуя себя манекеном. Эти люди смотрели на него как на диковинку, новую игрушку Алисы или перспективную инвестицию Доминика.

– Видишь? – прошептала она ему на ухо, когда они отошли к лееру, в относительное уединение. Её дыхание было тёплым и пахло тем самым горьким миндалём. – Здесь всё решают связи. Воля. Умение быть нужным. Твой капитан – наёмник. Полезный, но всегда в тени. А я... я могу поставить тебя на свет. Сделать так, чтобы тебя представляли ему.

– Она кивнула в сторону седовласого мужчины в смокинге.

– Это Жерар Деларош. Его слово может открыть или закрыть любой порт в Средиземноморье. Он считает меня оча-

ровательной эксцентричкой с интуицией. И он слушает меня.

Искушение снова накатывало волной. Не мистическое, а вполне земное, из плоти, власти и признания. Он чувствовал вес денег в кармане. Семь тысяч. Здесь, на этой палубе, это были мелочь, чаевые. Но Алиса говорила о другом масштабе. О жизни, где он не будет юнгой, а будет тем, к кому обращаются «месье Стоун».

– Зачем тебе это? – спросил он, глядя не на неё, а на тёмную воду в порту. – Зачем я тебе?

Она рассмеялась тихо, ласково.

– Потому что ты настоящий. В этой толпе фальшивых жемчужин ты – настоящее, неотшлифованное зерно. В тебе есть честность. И это безумно ценно. И... – она прикоснулась пальцем к его виску, – потому что ты сопротивляешься. Это делает игру интересной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.